

Специфика интерпретации истории в повести А. Доронина «Волчий овраг»

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

Н. М. Юсупова

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
faikovich@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящее время особый интерес читательской аудитории вызывают творческие эксперименты, в которых художественно осмысливается историческая судьба российского крестьянства в «переломные» эпохи. Статья посвящена изучению проблемно-тематического диапазона современной мордовской исторической прозы. Предметом анализа явилось своеобразие рецепции периода коллективизации и раскулачивания в повести эрзянского прозаика А. Доронина «Вергиз латко» («Волчий овраг»).

Цель статьи: выявить особенности художественной реконструкции событий 1930-х годов, моделирования взаимосвязей человека и общества в повести А. Доронина «Волчий овраг».

Материалы исследования: повесть А. Доронина «Волчий овраг».

Результаты и научная новизна. В исторической повести «Волчий овраг» А. Доронин художественно интерпретирует реальные события и обстоятельства переселения раскулаченных крестьян Поволжья в безлюдные степи Казахстана. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что актуализация данного проблемно-тематического кластера обусловлена творческой концепцией писателя-историка; индивидуально-авторский подход в реконструкции исторического нарратива прослеживается в стремлении прозаика реалистично раскрыть взаимосвязи личности и социума в трагические 1930-е годы, проанализировать интенции и психологическое состояние персонажей. Актуализированные в повести проблемы социально-политического характера наполняются философским, аксиологическим содержанием, подводят к разноаспектному осмыслению проблемы «человек и история».

Ключевые слова: А. Доронин, современная мордовская проза, историческая повесть, проблемно-тематический код, образ, эпоха коллективизации и раскулачивания.

Благодарности: автор статьи выражает благодарность рецензентам.

Для цитирования: Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Специфика интерпретации истории в повести А. Доронина «Волчий овраг» // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 139–147.

The specifics of interpretation of the history in the story by A. Doronin «A Wolf Ravine»

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

N. M. Yusupova

*Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
faikovich@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: at present the reader's audience is particularly interested in creative experiments in which the historical fate of the Russian peasantry in the «turning» eras is artistically comprehended. The article is devoted to the study of the problem-thematic range of modern Mordovian historical prose. The subject of analysis is the peculiarity of the reception of the period of collectivization and dekulakization in the story by Erzyan prose writer A. Doronin «A Wolf Ravine».

Objective: to reveal the features of the artistic reconstruction of the events of the 1930s, the modeling of the relationship between a man and society in the story by A. Doronin «A Wolf Ravine».

Research materials: the story by A. Doronin «A Wolf Ravine».

Results and novelty of the research: the historical story « A Wolf Ravine » for the first time becomes the object of scientific understanding and is introduced into the context of Finno-Ugric literary criticism. A. Doronin artistically interprets the real events and circumstances of the resettlement of dispossessed peasants of the Volga region to the uninhabited steppes of Kazakhstan. As a result of the study, we conclude that the actualization of this problem-thematic cluster is due to the creative concept of the historical writer; the individual author's approach to the reconstruction of historical narrative can be traced in the writer's desire to realistically reveal the relationship of personality and society in the tragic 1930s; to analyze intentions of people and of the psychological states of the characters. Problems of a sociopolitical nature, actualized in the story, are filled with philosophical, axiological content, and lead to a multi-faceted understanding of the «man and history» problem.

Key words: A. Doronin, modern Mordovian prose, historical story, problem-thematic code, image, era of collectivization and dekulakization.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers.

For citation: Sheyanova S. V., Yusupova N. M. The specifics of interpretation of the history in the story by A. Doronin «A Wolf Ravine» // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (1): 139–147.

Введение

Эпоха 1930-х годов – один из самых трагич-ных и неоднозначных периодов в отечественной истории – на протяжении многих десятилетий на-ходится под пристальным вниманием историков, политологов, социологов. «Сталинская модерни-зация», установление социалистического строя, коллективизации путём террора, раскулачивание зажиточного слоя крестьянства определили дра-матизм данной эпохи. Исследуя социально-поли-тические обстоятельства и трансформации, кос-нувшиеся российской деревни, формы и средства проведения коллективизационных мероприятий, историки отмечают, что «крестьяне подверг-ались лишению избирательных прав, конфискации имущества, административному аресту, а также самым жёстким наказаниям в виде выселения и даже расстрела. В этой ситуации термин «раску-лачивание» предполагал различные сочетания этих форм насилия, в зависимости от того, к ка-кой категории кулачества относилась семья» [4, 59]. Значительная часть крестьян была выслана в малообжитые районы страны. История «кулацкой ссылки», а также этапы, методы коллективизации описаны в работах зарубежных учёных-истори-ков [15, 16, 17, 18].

Становление колхозного строя, раскулачивание зажиточного слоя крестьянства как неоднознач-ные и трагические обстоятельства отечественной истории находят художественное осмысление в литературных опытах. При этом важно указать, что «для литературы не существует прошлого как набора непреложных истин, она чувствительна к внутренней гетерогенности национальной исто-рии, вобравшей в себя не только «тенденции», но и разрывы, разломы, альтернативы, противоречия, идейные и творческие контрверзы – всё, что так или иначе воздействует на судьбы челове-ческие» [11, 304].

Для каждой национальной литературы злобо-дневным является вопрос об этнической идентич-ности и её имплицитной соотнесённости с памя-тью о прошлом. Именно в истории писатели пыта-ются найти основы формирования национального сознания и мироощущения, связать исход обще-ственно-политических событий с судьбой этноса. Одновременно проблематика идентичности, ак-центируя значимость этнического компонента, по-зволяет говорить о транснациональных константах исторического контекста, таким образом процесс самоидентификации коррелирует с исторической памятью всей страны. Данная мысль находит от-ражение в статье S. Stoyanov [19].

Изучение художественной рецепции периода коллективизации и раскулачивания в литератур-ном творчестве становится продуктивной иссле-довательской стратегией в отечественном литера-туроведении. Проблема находит разноаспектное рассмотрение посредством как традиционных, так и современных подходов к анализу текста. Так, О. В. Богданова актуализирует нравствен-но-этические проблемы русской деревенской про-зы, акцентирует внимание на развитии темы кол-лективизации в русской литературе разных пери-одов [3]; средства рефлексии эпохи 1930-х годов в романых опытах писателей Северного Кав-каза проанализированы С. К. Байрамуковой [2]; У. Н. Текенова исследует творческую интерпрета-цию взаимоотношений человека и эпохи «вели-ких переломов» в алтайской литературе [12]; от-ражение коллективизации на судьбах отдельных крестьян и русской деревни в целом на материа-ле творческого опыта К. Воробьёва осмысливает В. Т. Сосновский [10]; художественные особен-ности современной исторической прозы на примере романа татарского автора Г. Яхиной «Зулейха от-крывает глаза», отражающего трагедию раскула-чивания, рассмотрены О. С. Ханенко [13].

В мордовском литературоведении вопросы творческой реализации темы коллективизации и раскулачивания не явились предметом специального исследования. Между тем они требуют скрупулёзного научного описания, что приведёт к манифестации серьёзных теоретико-методологических обобщений, к объективной рефлексии уровня эстетического развития национальной словесности.

Материалы и методы

Материалом исследования явилась повесть А. Доронина «Верьгиз латко» («Волчий овраг») [5], которая впервые становится объектом научного изучения и вводится в контекст современного финно-угорского литературоведения.

В работе использован ряд традиционных методов литературоведческого исследования: культурно-исторический, структурно-описательный, структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста.

Результаты

В начале XXI века с опорой на колоссальное гуманистическое наследие страны протекает процесс «духовной трансформации, за которой неизбежно следует изменение общественного сознания и поведения» [6, 1]. Именно этим, на наш взгляд, обусловлен интерес к эпохе коллективизации и раскулачивания в разных областях науки и искусства – истории, социологии, политологии, литературе. В настоящее время ощущается потребность реанимировать, интерпретировать, осмыслить исторический опыт российской деревни, образ жизни крестьянства, основы его традиционного миропонимания во взаимосвязи с социальными событиями 1930-х годов.

За последние годы литераторы Мордовии создали несколько оригинальных произведений об эпохе коллективизации и раскулачивания. Уровень самосознания, обострённое чувство справедливости, постижение истины подводят писателей к объективному воссозданию событий 1930-х годов, имплицитному осмыслению политики ликвидации «кулачества как класса», незаконного переселения, лишения прав и свободы крестьян. Следует сказать, что в мордовской прозе до настоящего времени эпоха 1930-х годов в аспекте раскулачивания не становилась ключевым объектом художественного исследования, писатели крайне осторожно обходили эту трагическую тему. В произведениях 1950–1980-х годов традиционный уклон был сделан в сторону изо-

бражения коллективизации как положительного результата социальной трансформации. Лишь в 2000-е годы под воздействием общественного сознания эта тема оказывается востребованной, доказательством чего являются повесть Е. Четвергова «Сладкая полынь», речь о которой идёт в статье С. В. Шеяновой, А. М. Закирзянова [14], а также повесть А. Доронина «Волчий овраг». Романист, автор масштабных исторических полотен «Тени колоколов», «Кузьма Алексеев», меняет вектор своих творческих поисков и обращается к разработке темы коллективизации и раскулачивания крестьянства, что обусловлено как общественными запросами, так и творческими предпочтениями самого писателя-историка.

Повесть «Волчий овраг» – первое в мордовской литературе произведение, в котором воссоздаются жизнь и быт доколхозной мордовской деревни, обстоятельства насильственного переселения семей раскулаченных поволжских крестьян в Казахстан, судьбы переселенцев, представителей разных национальностей, разного вероисповедания, которые вынуждены были поменять привычный образ жизни, приспособиться к суровым условиям степи, наладить быт, выстроить новые взаимоотношения, искать пути самореализации, не имея возможности покинуть предписанное место проживания. Автор отражает разные стороны жизни персонажей-переселенцев – социально-бытовую, культурную, духовную.

В анализируемом произведении рефлексия истории основывается как на документальных свидетельствах, так и на авторской интуиции, вследствие чего она приобретает «универсальный, прогностический характер и одновременно меньшую точность в описании исторического периода и различных его деталей, ... речь идёт не о точном соответствии или подобии исторической канве событий, а об авторском представлении осмысливаемого исторического периода» [9, 27]. Именно в таком формате воспроизведены обстоятельства принудительного переселения восьмидесяти четырёх «кулацких» семей из Поволжья в Казахстан и расселения их в глухой степи под посёлком Кармалык. Актуальным является не документальное свидетельство о количестве семей и задействованных в этом процессе подвод, а творческая интерпретация человеческих судеб и характеров, обусловленных социальной катастрофой, авторское осмысление фактов, обстоятельств действительности. Проводимый прозаиком художественный анализ исторического процесса «позволяет установить принципы развития

общества и до некоторой степени предсказать его будущее» [9, 27].

Насильственное переселение поволжских крестьян автор воспринимает как необдуманное политическое решение, жертвой которого стали сотни людей, потерявшие семейную, родовую идентичность. Внимание прозаика сконцентрировано на «неоднозначном и болезненном процессе всеохватывающей социальной ломки, в корне изменившей веками складывающиеся устои хозяйственной – и, как следствие, нравственной – жизни крестьянина» [3, 310]. Прозаик смело размышляет о разрушительной силе социальных догм и манифестируемых ложных идей, бесконтрольности власти и её посягательствах на нравственные начала крестьянской жизни, утверждает внутреннюю силу и духовную мощь человека переходной эпохи.

Описываемые в начале повести события происходят поздней осенью. Степь встречает переселенцев пронизывающим ветром и первым снегом. Хронологическое время позволяют определить описания и авторские ремарки. Однако оно неоднородно: настоящее перемежается с прошлым, что обусловлено стремлением автора акцентировать внимание на противоестественности и противозаконности происходящего, противопоставить старый привычный миропорядок (жизнь до раскулачивания) и новый (переселение в степь), усилить мотив тоски и отчаяния.

Время в повести местами оборачивается пространством: «Волчий овраг... Широкая низина, в конце которой виднеется дубовый пролесок, который со временем будет полностью вырублен, там появится сельское кладбище: от голода и воспаления в холодных землянках люди умирают один за другим. Некогда в этих краях было много волков, однако после заселения низины они исчезли, видимо испугались огней и «власти»¹ [5, 396]. В описании Волчьего оврага – ощущение безысходности, постоянной угрозы, надвигающейся опасности. Название места символично – переселенцы, оказавшиеся в неестественных для человека условиях, напоминают загнанных зверей.

Вывезенные из родного края крестьяне оказываются во враждебном им мире, они вступают в единоборство с суровой степью. Несмотря на лишения, голод, холод, люди одерживают первую победу над ней: через несколько месяцев в степи появляется село, состоящее из домов-землянок, мазанок, покрытых дубовыми стволами и ветками. Село называли Волчьим оврагом. Его жители трудят-

ся в «едином хозяйстве» – возглавляемом бывшим рабочим Путиловского завода Акимом Макаровым – колхозе «Степь». Некогда в родном краю они не согласились вступить в колхоз даже под дулом пистолета, здесь, в глухой степи, всё сложилось само собой. Жители села распахивают степь, осваивают и обрабатывают её плодородные участки, выращивают зерновые культуры, выполняют план по хлебозаготовкам. Описание трудовой и бытовой деятельности переселенцев предельно реалистично и достоверно. А. Доронин не нарушает логику исторического процесса. По утверждению исследователей, «раскулачивание и насильственная коллективизация были призваны решить главную экономическую проблему – зерновую, с которой столкнулось советское правительство в 20-е годы. Освоение новых, целинных земель стало основным механизмом решения данной задачи» [7, 40].

Художественное пространство повести имплицитно и эксплицитно одновременно. Оно расширяется не за счёт внедрения большого количества персонажей, увеличения сюжетных ходов, событийного ряда, масштабности действия или хронотопа, а благодаря тому, что нарратив составляют нанизанные друг на друга истории человеческих судеб и характеров, обрисованных психологически достоверно, рефлексивно. А. Доронин создаёт галерею художественных образов, в которых сосредоточены «психологические, духовные болезни и изломы, порождённые «советской властью», борьба между человечностью и всем, что враждебно простым законам нравственности» [12, 61]. Посредством обрисовки индивидуальных судеб в повести утверждается неразрывная взаимосвязь истории и человека.

Напряжённый драматизм настоящего контрастирует с эпическим спокойствием и идиллической картиной счастливой жизни мордовской семьи Сырьескиных до раскулачивания. Глава семьи, Спиридон Васильевич, был истинным тружеником, любил землю, наслаждался результатами своего труда. По пути в Казахстан он погиб в поезде от дизентерии. Его тело, как и других умерших, просто выкинули из поезда. Данный сюжетный ход отражает логику исторической действительности, по утверждению исследователей, «на пути следования к местам ссылки значительная часть высланных крестьян погибала...» [8, 37]. В повести А. Доронина гибель героя символична: крестьянин лишён не только дома и хозяйства, он не находит последнее пристанище после смерти.

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Наш. – С. Ш., Н. Ю.

Рассматривая этапы и деструктивные результаты раскулачивания, историки приходят к заключению о том, что на протяжении второй половины 1920-х – 1930-х годов «методы раскулачивания трансформируются в сторону ужесточения» [8, 38]. В повести «Волчий овраг» данный процесс прослеживается на примере семьи мордвина Николая Куракшова. Посредством ретроспективного повествования автор реконструирует разные периоды жизни героя. Николай служил в дивизии Чапаева, был ранен в руку, после демобилизации женился на любимой девушке Клавдии. С началом коллективизации семье предложили вступить в «единое хозяйство». Миколь и Клавдия отказались – они работали на себя. Мужчина любил всё делать основательно, про таких говорят: «Дело мастера боится». Семья нажила добротное хозяйство, имела сад, пасеку. За своеволие Куракшovy были наказаны – местные «активисты» отравили все запасы зерна в их амбаре, власть обложила непосильным налогом. Однако на этом бедствия не завершились – семью объявили «кулаками», увезли в Рузаевку, оттуда – в Бугульму, где супругов разлучили. От пережитого стресса мужчина тяжело заболевает. Накануне смерти ему причудилось, что он находится на малой родине, «видит свой дом, просторный, двухкомнатный. Только вот окна забиты старыми досками. У крыльца – высокие лопухи, огород зарос полынью. Показалась Клавдия, машет ему рукой, зовет с собой на небо...» [5, 449].

Если в воссоздающих процесс коллективизации произведениях 1960–1980-х гг. чётко прослеживается мотив коренного перевоспитания, резкого политического «прозрения» крестьян, что, на наш взгляд, свидетельствует о необоснованной декларативности, необъективном восприятии сложной человеческой природы, то у А. Доронина не происходит моментального переформатирования мировоззренческой схемы персонажей, что логично и обусловлено многовековым опытом формирования духовной сферы российского крестьянства и народного характера. Даже адаптировавшиеся к новому образу жизни, бытовым условиям люди не испытывают торжества надежд и чаяний, они переживают глубокую психологическую драму. Куракшов так и не смирился со своим положением переселенца, он резко отрицает политику власти, лишившей его дома, семьи. Герой не может принять трансформировавшуюся общественно-политическую действительность, контрастирующую с его мировоззренческой позицией, духовно-нравственными принципами.

В повести разворачивается сага о семье татара Ибрагима Минуллина, воспитанного в определённой национальной традиции, предписывающей почитание и соблюдение обычаев, этических нравственных постулатов и т. п. У героя своя жизненная философия, согласно которой, «свобода – самое ценное в жизни. И стойкость. Если у человека есть опора – он нигде не пропадёт» [5, 415]. Мужчина пережил смерть жены, раскулачивание, насильственное изгнание, переселение в казахстанскую степь, гибель сыновей и единственной дочери. Ибрагим-хан (так его прозвали в Волчьем овраге) с горечью размышляет о том, за что его признали «кулаком»? Он всю жизнь трудился на Волге – выгружал баржи, работал в рыбацкой артели, один растил троих детей, не доедал, ничего не пробовал кроме «рыбного супа и чёрного хлеба». Когда в село пришло указание о вступлении «в единое хозяйство», Ибрагим отказался, за что был объявлен «кулаком» и с семьёй выселен из родного дома. Разлучённый с сыновьями и дочерью он потерял с ними связь. От людей старик узнает, что они были отправлены в Сибирь. Свободолюбивые и гордые сыновья Ибрагима так и не смирились с ролью пленников – они были убиты при попытке бегства. Единственная дочь Наиля повесилась, не выдержав надругательства и унижений начальника колонии.

Психологические нюансы, ментальные тонкости, отсылающие к национальной характерности, дают знать о себе и в холодной степи, однако со временем мужчина смирился со своим положением, о чём свидетельствуют его рассуждения: «Жизнь тяжела, но и её можно осилить. Человек подобен птице: куда прилетит, там и гнездо вьёт...» [5, 415]. Оплакивающий близких Ибрагим лишён инстинкта выживания любой ценой, до определённого времени его не беспокоит будущее и обречённость на бессрочный срок ссылки, однако с рождением правнука всё меняется. В пожилом мужчине зарождается желание жить, бороться. В маленьком Назиме он видит продолжателя своего рода, которому передаст традиционные этнические ценности и память о предках. Образ Ибрагим-хана сочетает в себе индивидуальные характеристики и типичные национальные черты, его судьба становится отражением времени.

В реализации авторской модели мира и человека в повести значимую роль играет концепт дом, который получает символично-философское звучание, отражает один из столпов крестьянского

миропонимания. Семья высланного в Казахстан из Украины Остапа Ковальчука уже давно была лишена дома. Сначала по воле Нестора Махно мужчина оказался втянутым в боевые действия, потом – выступления против большевиков, после бегства белого офицера с бывшими махновцами скрывался в лесу. Отсутствие дома в данном случае становится не приёмом индивидуальной характеристики, а деталью, «определяющей неблагополучие мироустройства» [1, 2]. Кроме того, такие понятия как дом, родительский очаг, память, кровное и человеческое родство кроме конкретно исторического приобретают нравственный и философский смысл. В настоящем герои бездомны, однако желание обрести дом как очаг, укрытие, место для семьи не покидает их – «за три месяца они возвели несколько обмазанных глиной и побелённых мелом мазанок, которые составили небольшую улицу выстраиваемого в степи хутора» [5, 423]. Таким образом подчёркивается идея возрождения человеческих ценностей, нравственного стержня и внутреннего душевного равновесия переселенцев.

В соответствии с народно-крестьянскими воззрениями, кроме дома только труд составлял стихию, которой всецело отдавался землепашец. Нетяга к бродяжничеству, не стремление к перемене мест, а именно труд искони составлял и бремя, и радость крестьянского существования. Только в работе находит смысл и оправдание своей жизни оказавшийся на чужбине Остап Ковальчук. Вопреки всем обстоятельствам его связи с землёй разорвать сложно, он остается носителем патриархального крестьянского мировоззрения. Размышляя о своей семье и судьбе соотечественников, он осознает, что необходимо планировать будущее, построить дом, наладить быт, обеспечить себя хлебом и продуктами. Для этого у него есть всё необходимое – трудолюбие, мастерские руки, смекалка, напористость. Именно заботой о людях и земле-кормилице обусловлено поведение Остапа, выбор методов руководства вверенной ему бригадой, поэтому он призывает «вспахивать степь насколько возможно глубоко», чтобы сделать её плодородной, дающей хорошие урожаи. У сурового нравом, пользующегося авторитетом Остапа расписан каждый час, в потоке большого количества дел он боится потратить день бесцельно, грамотно распределяет людей на полевые работы, добычу глины для строительства мазанок. Посредством данного колоритного образа в повести воссоздаются трудовые традиции укра-

инского крестьянства, его судьба в контексте истории страны.

Посредством образов Ульяны и Моти Сырьескиных, Розы Минуллиной, Андрея Разинского, Акима Макарова в повести персонифицирован конфликт человека и опирающейся на антигуманные принципы идеологии. Каждый из персонажей – индивидуум с особенностями психологии и мировосприятия, однако у них общая судьба, в которой отражаются последствия исторической катастрофы. Таким образом, оказавшиеся в эпицентре политических обстоятельств и противоречий эпохи люди становятся творцами истории, а в настоящее время способствуют «расшифровке» кода прошлого.

Обсуждение и заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что обращение А. Доронина к теме коллективизации и раскулачивания крестьянства обусловлено его мировоззренческой позицией, творческой стратегией писателя-историка, аксиологическими установками и нравственно-этическими запросами действительности, потребностью современного общества в рефлексии национальной истории, особенностей менталитета мордовского народа, его роли в общероссийском историко-культурном пространстве.

В повести «Волчий овраг» А. Доронин эмоционально и реалистично воссоздает исторический контекст, атмосферу драматической эпохи, проявлением которой являются нивелирование духовно-этических ценностей, разрушение вековой народной морали, традиционного крестьянского уклада жизни. Писатель эксплицирует пагубность, неоправданность необдуманных общественно-политических решений, изменивших ход исторического процесса, судьбу страны.

Однако социальный подход не становится в произведении ключевым, автору важно актуализировать вопросы нравственного, онтологического содержания, раскрыть интенции и психологическое состояние героев-переселенцев, мотивы их поведения, действия, внутренний потенциал. Духовные предпочтения персонажей писатель выявляет посредством рефлексии ими общечеловеческих, общеродовых понятий (малая родина, земля, труд, семья, предки, потомство), являющихся основой крестьянского миропорядка. Каждый из героев повести – личность со своим удивительным микромиром, носитель определенного национального сознания, типичный представитель трагической эпохи.

Список источников и литературы

1. Азарова Н. Образ дома в повести Андрея Платонова «Котлован» и романе Евгения Замятина «Мы» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-doma-v-povesti-andreya-platonova-kotlovan-i-romane-evgeniya-zamyatina-my> (дата обращения: 29.03.2020).
2. Байрамукова С. К. Художественное и стилистическое своеобразие романа в литературе Северного Кавказа // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. Ч. 23. С. 5274–5278.
3. Богданова О. В. Современная русская классика: духовные традиции отечественной прозы второй половины XX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 3. С. 301–311.
4. Власов В. А., Тишкина А. В. К вопросу о раскулачивании и выселении пензенских крестьян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). URL: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gp6314 (дата обращения: 17.03.2020).
5. Доронин А. Верьгиз латко (Волчий овраг) // Доронин А. Кавто томсо кочказь произведенийт. (Избранные произведения: в 2 т.). Саранск: Книга, 2018. Т. 1. С. 394–452.
6. Дудченко В. С. Духовность как аксиологическая основа трансгуманизма // Гаудеамус. 2013. № 1 (21). С. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-kak-aksiologicheskaya-osnova-transgumanizma> (дата обращения: 26.03.2020).
7. Иевлева О. И. Коллективизация и раскулачивание в Сухиничском округе Западной области // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 39–42. URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2016_1.pdf (дата обращения: 03.04.2020).
8. Климук Я. А. Классификация и динамика развития методов раскулачивания крестьянства // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2 (5). С. 36–38.
9. Колядич Т. М., Самарова Е. А. Историософия творчества И. Ефимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 1. С. 26–30.
10. Сосновский В. Т. Тема коллективизации в повести «Друг мой Момич» К. Д. Воробьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 4. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2010.4/1000/sosnovsky2010_4.pdf (дата обращения: 05.04.2020).
11. Султанов К. К. Репрезентация прошлого как доминирующий фактор самоидентификации в литературе постсоветского периода // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 302–321. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-302-321.
12. Текенова У. Н. «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» Д. Каинчина: судьба человека на переломах истории // Филология и человек. 2018. № 4. С. 48–62.
13. Ханенко О. С. Жанрово-стилевые особенности современной исторической прозы (на примере романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2017. № 2 (12). С. 104–105.
14. Шеянова С. В., Закирзянов А. М. Концепция истории и личности в повести Е. Четвергова «Ламбамо нартемкс» («Сладкая полынь») // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 112–123.
15. Abashin S. Stalin's rais: governance practices in a Central Asian kolkhoz // Central Asian Survey. 2017. Vol. 36. № 1. Pp. 131–147.
16. Kamp M., Zanca R. Recollections of collectivization in Uzbekistan: Stalinism and local activism // Central Asian Survey. 2017. Vol. 36. № 1. Pp. 55–72.
17. Merl S. Stalin's erroneous path of collectivisation Destructive forces and the crippling of independent initiative // Osteuropa. 2016. Vol. 66. № 8–10. URL: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=E3DG6pVqSw66oqLlsLQ&search_mode=GeneralSearch&prID=47761d94-a3f5-44c1-a3ad-1be575ddd782 (дата обращения 15.03.2020).
18. Perovic J. Highland Rebels: The North Caucasus During the Stalinist Collectivization Campaign // Journal of Contemporary History. Apl. 2016. Vol. 51. № 2. Pp. 234-260. DOI: 10.1177/0022009414562821.
19. Stoyanov S. The Literature of the Bulgarians in Tavria – Historical Review // Balkanistic Forum. 2017. № 3. Pp. 153–165.

References

1. Azarova N. *Obraz doma v povesti Andreja Platonova «Kotlovan» i romane Evgenija Zamyatina «My»* [The image of the house in the story by Andrey Platonov «The Pit» and in the novel by Evgeniy Zamyatin «We»]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva* [Bulletin of Volzhsky University by V. N. Tatishchev], 2009, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-doma-v-povesti-andreya-platonova-kotlovan-i-romane-evgeniya-zamyatina-my> (accessed March 29, 2020). (In Russian)
2. Bayramukova S. K. *Hudozhestvennoe i stilisticheskoe svoeobrazie romana v literature Severnogo Kavkaza* [Artistic and stylistic originality of the novel in literature of the North Caucasus]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 2 (23), pp. 5274–5278. (In Russian)
3. Bogdanova O. V. *Sovremennaja russkaja klassika: duhovnye tradicii otechestvennoj prozy vtoroj poloviny XX veka* [Modern Russian classics: the spiritual traditions of Russian prose of the second half of the XX century]. *Vestnik Russkoj*

hristsianskoj gumanitarnoj akademii [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2016, no. 17 (3), pp. 301–311. (In Russian)

4. Vlasov V. A., Tishkina A. V. *K voprosu o raskulachivanii i vyselenii penzenskih krest'jan* [To the issue of dekulakization and eviction of Penza peasants]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2014, no. 3 (31). Available at: https://izvuz_gn.pnzgu.ru/gn6314 (accessed March 17, 2020). (In Russian)

5. Doronin A. *Volchij ovrage* [A Wolf Ravine]. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vol]. Saransk: Kniga Publ., 2018. Vol. 1. pp. 394–452. (In Erzya)

6. Dudchenko V. S. *Duhovnost' kak aksiologicheskaja osnova transgumanizma* [Spirituality as an axiological basis of transhumanism]. *Gaudeamus* [Gaudeamus], 2013, no. 1 (21). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-kak-aksiologicheskaja-osnova-transgumanizma> (accessed March 26, 2020). (In Russian)

7. Ievleva O. I. *Kollektivizacija i raskulachivanie v Suhinichskom okruge Zapadnoj oblasti* [Collectivization and dekulakization in Sukhinichi District of Zapadnaya Oblast]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University], 2016, no. 1 (27). Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2016_1.pdf (accessed April 03, 2020). (In Russian)

8. Klimuk Ya. A. *Klassifikacija i dinamika razvitija metodov raskulachivaniya krest'janstva* [Classification and dynamics of development of methods of dekulakization of the peasantry]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of science, culture, education], 2007, no. 2 (5), pp. 36–38. (In Russian)

9. Kolyadich T. M., Samarova E. A. *Istoriosofija tvorchestva I. Efimova* [Historiosophy of I. Efimov's creativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2018, no. 12 (90), part 1, pp. 26–30. (In Russian)

10. Sosnovskiy V. T. *Tema kollektivizacii v povesti «Drug moj Momich» K. D. Vorob'eva* [The theme of collectivization in the novel «My Friend Momich» by K. D. Vorobyov]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 2010, no. 4. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2010.4/1000/sosnovsky2010_4.pdf (accessed April 05, 2020). (In Russian)

11. Sultanov K. K. *Reprezentacija proshlogo kak dominirujushhij faktor samoidentifikacii v literature postsovetского периода* [Representation of the past as the dominant factor of self-identification in literature of the post-Soviet period]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2016, no. 1 (1–2), pp. 302–321. (In Russian)

12. Tekenova U. N. *«Poslednjaja nadezhda ssyl'nogo Evseja Borovikova» D. Kainchina: sud'ba cheloveka na perelomah istorii* [«The last hope of the exiled Eusey Borovikov» by D. Kainchin: the fate of a man on the turning points of history]. *Filologija i chelovek* [Philology and Man], 2018, no. 4, pp. 48–62. (In Russian)

13. Khanenko O. S. *Zhanrovo-stilevye osobennosti sovremennoj istoricheskoy prozy (na primere romana G. Jahinoy «Zulejha otkryvaet glaza»)* [Genre and stylistic features of modern historical prose (on the example of the novel by G. Yakhina «Zuleikha Opens Her Eyes»)]. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii* [Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of the innovative development of Russia], 2017, no. 2 (12), pp. 104–105. (In Russian)

14. Sheyanova S. V., Zakirzyanov A. M. *Koncepcija istorii i lichnosti v povesti E. Chetvergova «Sladkaja polyn'»* [Conception of history and personality in the story by E. Chetvergova «Sweet Wormwood»]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 112–123. (In Russian)

15. Abashin S. Stalin's rais: governance practices in a Central Asian kolkhoz. *Central Asian Survey*, 2017, no. 36 (1), pp. 131–147. (In English)

16. Kamp M., Zanca R. Recollections of collectivization in Uzbekistan: Stalinism and local activism. *Central Asian Survey*, 2017, no. 36 (1), pp. 55–72. (In English)

17. Merl S. Stalin's erroneous path of collectivisation Destructive forces and the crippling of independent initiative. *Osteuropa*, 2016, no. 66 (8–10). Available at: http://apps.webofknowledge.com/Search.do?product=WOS&SID=E3DG6pVqSw66oqLlsLQ&search_mode=GeneralSearch&prID=47761d94-a3f5-44c1-a3ad-1be575ddd782 (accessed March 15, 2020). (In English)

18. Perovic J. Highland Rebels: The North Caucasus During the Stalinist Collectivization Campaign. *Journal of Contemporary History*, Apl. 2016, no. 51 (2), pp. 234–260. DOI: 10.1177/0022009414562821 (accessed March 17, 2020). (In English)

19. Stoyanov S. The Literature of the Bulgarians in Tavria – Historical Review. *Balkanistic Forum*, 2017, no. 3, pp. 153–165. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410

Юсупова Нурфия Марсовна, доцент кафедры татарской литературы, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420035, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстана, д. 2), доктор филологических наук, доцент.

faikovich@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0001-7353-0182

ABOUT THE AUTHORS

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevikskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-6504-3410

Yusupova Nurfiya Marsovna, Associate Professor of the Department of Tatar Literature of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (420035, Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan st., 2), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

faikovich@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0001-7353-0182